

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)45
УДК 930

Бабулин И.Б. Важнейшие победы России в русско-польской войне 1654-1667 гг.: ответ рецензенту (Папакін А. Реванш російської історіографії: Канів, 1662 р.)

Аннотация: в статье представлен обстоятельный разбор рецензии украинского историка А.Г. Папакина на книгу И.Б. Бабулина «Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа», а также содержится сравнительная характеристика важнейших побед России в русско-польской войне 1654-1667 гг., полученная на основе многолетних исследований автора с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии.

Ключевые слова: XVII век, Россия, Польша, сражения.

Автор: Бабулин Игорь Борисович, подполковник юстиции. В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658-1659 гг.». Область научных интересов: военная история XVI-XVII вв. editorial@milhist.info

Литература, использованная в статье:

Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа. — М., 2015.

Папакін А. Реванш російської історіографії: Канів, 1662 р. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Історія». — 2017. — № 1 (132). — С. 83-86. <<http://www.ucreinarma.org/oglyad-tematichnoi-literaturi/revansh-rosijskoji-istoriografiji-kaniv-1662.html>>.

Папакін А.Г. Формування Польських військ в Україні у 1917-1918 рр. — Автореф. дис. канд. іст. наук. — 2007.

Таирова-Яковлева Т.Г. Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва // Петербургские славянские и балканские исследования / Т.Г. Таирова-Яковлева. — 2012. — № 2 (12).

Бабулин И.Б. Ответ рецензенту (Таирова-Яковлева Т.Г. Рецензия на книгу: Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 483-498. <http://www.milhist.info/2014/03/13/babylin_3> (13.03.2014).

Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом 1658-1659 гг. — М., 2015.

Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики. — М., 2017.

Бабулин И.Б. Битва под Полонкой 1660 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. — 2005. — № 15 (3/2005).

Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичях 1654 г. — М., 2018.

Bobiatyński K. Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654-1655. — Zabrze, 2004.

Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII в. — СПб., 2015.

Горб Є., Рябуха Ю., Цибрій А. Битва під Городком 29-30 вересня 1655 року: нова спроба реконструкції перебігу бою // Україна між Польщею та Росією. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, приуроченої до 330-ї річниці Вічного миру (1686) і 350-ї річниці Андрусівського перемир'я (1667). — 23.12.2016 р. Київ.

Курбатов О.А. «Чудо Архангела Михаила». Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Веховичах 1655 г. // Исторический архив. — 2005. — № 3.

Płosiński J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655-1657. — Zabrze, 2006.

Акты Московского государства. — СПб., 1894. — Т. 2.

Babulin I. Kosulicze i Drokow. Dwie bitwy podczas kampanii zimowej Jana Kazimierza w 1663-1664 roku // De Re Militari. Czasopismo miłośników wojskowości. — № 1/2017.

Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира (1663-1664).

Бабулин И.Б. Русские войска в боях против армии короля Яна Казимира: зимняя кампания 1663-1664 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2017. — Вып. 4. (в печати).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/12/30/babulin_6

Ссылка для печатных изданий:

Бабулин И.Б. Важнейшие победы России в русско-польской войне 1654-1667 гг.: ответ рецензенту (Папакін А. Реванш російської історіографії: Канів, 1662 р.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Т. IX. — С. 375-397. <http://www.milhist.info/2017/12/30/babulin_6> (30.12.2017).

Babulin I. Crucial victories of the Russian Tsardom during the Deluge (the Russo-Polish War, 1654-1667) in response to a peer-review of A. Papakin's article "Requital of the Russian historiography: Kanev, 1662"

Summary: response to Papakin A. "Requital of the Russian historiography: Kanev, 1662"

Keywords: seventeenth century; Russia; Poland; battles.

Author: Babulin Igor Borisovich, Lieutenant Colonel of Justice. In 2013 he passed his Ph.D defense in History: "Scramble of Ivan Vyhovsky for Ukraine and Hetman position: war events in 1658-1659". Research interests: military history of the XVI-XVII centuries. editorial@milhist.info

References:

Babulin I.B. Kanevskaja bitva 16 ijulja 1662 g. Zabytaja pobeda [Kanevskaya battle 16 Jul 1662 Forgotten victory]. — M., 2015.

Papakin A. Revansh rosijs'koï istoriografii: Kaniv, 1662 r. [The revenge of Russian historiography: Kanev, 1662] // Visnik Kiïvs'kogo nacional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Serija "Istorija". — 2017. — № 1 (132). — S. 83-86. <<http://www.ucrianarma.org/oglyad-tematicnoi-literaturi/revansh-rosijskoji-istoriografiji-kaniv-1662.html>>.

Papakin A.G. Formuvannja Pol's'kih vijs'k v Ukraïni u 1917-1918 rr. [The formation of Polish troops in Ukraine in 1917-1918] — Avtoref. dis. kand. ist. nauk. — 2007.

Tairova-Jakovleva T.G. Babulin I.B. Knjaz' Semen Pozharskij i Konotopskaja bitva [Prince Semen Pozharsky and Konotop battle] // Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija / T.G. Tairova-Jakovleva. — 2012. — № 2 (12).

Babulin I.B. Response to (Tairova-Jakovleva T.G. Recenzija na knigu: Babulin I.B. Knjaz' Semen Pozharskij i Konotopskaja bitva. SPb., 2009) [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — S. 483-498. <http://www.milhist.info/2014/03/13/babulin_3> (13.03.2014).

Babulin I.B. Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom 1658-1659 gg. [The struggle for Ukraine and the battle of Konotop 1658-1659] — M., 2015.

Lejn F. Zolotoj vek Venecianskoj respubliki [The Golden age of the Venetian Republic]. — M., 2017.

Babulin I.B. Bitva pod Polonkoj 1660 g. [The battle of Polonka 1660] // Rejtar. Voenno-istoricheskij zhurnal. — 2005. — № 15 (3/2005).

Babulin I.B. Smolenskij pohod i bitva pri Shepelevichah 1654 g. [The Smolensk campaign and the battle of Shepelevichi 1654] — M., 2018.

Bobiatyński K. Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654-1655. — Zabrze, 2004.

Gorb Є., Rjabuha Ju., Cibrij A. Bitva pid Gorodkom 29-30 veresnja 1655 roku: nova sprobna rekonstrukcii perebigu boju // Ukraïna mizh Pol'shheju ta Rosieju. Materiali Mizhnarodnoi naukovopraktichnoi konferencii, priurochenoï do 330-ï richnici Vichnogo miru (1686) i 350-ï richnici Andrusivs'kogo peremir'ja (1667). — 23.12.2016 r. Kiïv.

Kurbatov O.A. «Chudo Arhangela Mihaila». Dokumenty o pohode Novgorodskogo polka na Brest i bitve pri Vehovichah 1655 g. [Documents about the campaign of Novgorod regiment on the Brest and the battle of Wachowich 1655] // Istoricheskij arhiv. — 2005. — № 3.

Płosiński J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655-1657. — Zabrze, 2006.

Babulin I. Kosulicze i Drokow. Dwie bitwy podczas kampanii zimowej Jana Kazimierza w 1663-1664 roku // De Re Militari. Czasopismo miłośników wojskowości. — № 1/2017.

Gramon A. Iz istorii moskovskogo pohoda Jana Kazimira (1663-1664) [From the history of the Moscow campaign of John Casimir (1663-1664)].

Babulin I.B. Russkie vojska v bojah protiv armii korolja Jana Kazimira: zimnjaja kampanija 1663-1664 gg. [Russian troops in the fighting against the army of king Jan Kazimierz: the winter campaign of 1663-1664] // Edinorog. Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni. — M., 2017. — Vyp. 4. (v pečati).

Internet link:

http://www.milhist.info/2017/12/30/babylin_6

Reference link:

Babylin I. Crucial victories of the Russian Tsardom during the Deluge (the Russo-Polish War, 1654-1667) in response to a peer-review of A. Papakin's article "Requital of the Russian historiography: Kanev, 1662" [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2017. — Vol. IX. — P. 375-397. <http://www.milhist.info/2017/12/30/babylin_6> (30.12.2017).

**ВАЖНЕЙШИЕ ПОБЕДЫ РОССИИ В РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ
1654-1667 ГГ.: ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТУ (ПАПАКИН А. РЕВАНШ
РОСІЙСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ: КАНІВ, 1662 Р.)**

В июне 2017 г. «Вестник Киевского национального университета имени Т. Шевченко» опубликовал рецензию преподавателя истории указанного вуза, к.и.н. А.Г. Папакина, на мою книгу «Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа»¹, которая позднее появилась в сети Интернет². Не имея под рукой бумажного издания, обратимся к электронной версии рецензии. Для удобства восприятия украинского текста российским читателем цитирование производится в переводе на русский язык.

Сразу следует отметить, что рецензент – не исследователь военной истории XVII в. и в целом очень далек от изучения периода Раннего Нового времени. Его известные научные работы посвящены военной истории Польши и Украины начала XX столетия³.

Основная цель критики рецензента – это опровержение *«главного постулата труда - автор считает бой под Каневом "величайшей победой" войск Московского государства во всей польско-российской войне»*. А.Г. Папакин обвиняет меня в «предвзятости», а проще говоря, к изначальной склонности к определенному выводу. В связи с этим я считаю необходимым ответить на его рецензию.

В настоящей работе я разберу наиболее существенные претензии А.Г. Папакина к рассматриваемой книге и заодно проведу сравнительную характеристику самых крупных и важных побед России в русско-польскую войну 1654-1667 гг.

Прежде всего, сетуя на недостаток военно-исторических работ, издаваемых на Украине, рецензент призывает *«заполнять отечественный (украинский. – И.Б.) рынок военно-историческими трудами собственного*

производства, иначе, учитывая минимальный языковой барьер для украинского читателя, его способны заполнить российские исследования, которые пишутся с предвзятых позиций. Именно на такую позицию И. Бабулина следует обратить особое внимание».

Из реплики А.Г. Папакина явствует, что украинские военно-исторические труды не страдают «предвзятостью» и предельно объективны. Оставим это на совести рецензента, заметив лишь, что в нынешних условиях разгула радикального национализма в украинской исторической науке очень трудно найти исследователя «с той стороны», который бы сохранил трезвый взгляд на прошлое русско-украинских отношений. Ко всему прочему, рецензент даже не представляет, что успех украинских ученых в исследовании эпохи Гетманщины возможен только при обращении к российским архивам, ибо весьма ограниченное количество сохранившихся документов об этом времени в самой Украине не идет ни в какое сравнение с архивохранилищами Российского государственного архива древних актов.

Ни для кого не является секретом, что даже при всем стремлении к объективности любой историк не свободен от разделяемой им исторической концепции, от пройденного пути к познанию и осмыслению истории. Целью изучения источников является извлечение фактов, необходимых для решения исследуемой проблемы. Однако процесс исторического исследования – это не только работа с источниками, но и методология, которой он пользуется.

Делая вывод о моей «предвзятости», рецензент, возможно, не доверяет профессиональной честности автора, а именно его не устраивает выборочное изучение источников, неточное цитирование документов, сокрытие неудобных, не вписывающихся в концепцию автора материалов, не позволяющих прийти к заранее определенному выводу.

Что тут сказать? Думается, прежде чем делать подобные заявления, рецензенту следует самому изучить весь комплекс источников, исследованных автором, найти несоответствия в тексте, ошибки в цифрах, избирательность в цитировании и обоснованно изложить это в своей критической работе.

Впрочем, на мой взгляд, ценность любого научного исторического труда зачастую зависит даже не от наличия или отсутствия «предвзятости», а от качества исследовательской работы ученого, которая определяется профессионализмом и глубиной работы с неопубликованными архивными источниками. Лишь из документов, неизвестных ранее (особенно это касается истории XVII в.), можно получить новую информацию, расширяющую наши знания о предмете исследования.

При всем неприятии исторической концепции М.С. Грушевского и его явной «предвзятости», я ценю профессионализм ученого и работу с источниками. Эти критерии для меня важнее, чем политизированная и несостоятельная идея обособленной, изолированной от России «Украины-Руси», ставшая основой современной украинской националистической идеологии и активно используемая в пропагандистских целях. Пытаясь «обратить особое внимание» на мою «позицию», изложенную в рецензируемом издании, А.Г. Папакин, судя по тексту, как будто боится ее распространения в пределах Украины, явно примеряя на себя роль «жандарм-таможенника», который пытается запретить ввоз неудобной местным властям исторической литературы, «угрожающей национальным интересам» страны.

В подкрепление своего столь категоричного вывода рецензент пишет: *«Политизированность автора и его искривленные оценки событий древности уже стали предметом критики его соотечественников».*

Интересно, что при этом А.Г. Папакин имеет в виду одного-единственного российского исследователя, Т.Г. Таирову-Яковлеву, которая ранее критически высказалась о моей научно-популярной работе⁴. На ее рецензию последовал ответ, в котором я постарался показать всю несостоятельность предъявляемых к моей книге замечаний и претензий⁵.

Рецензент пишет, что И. Бабулин *«продолжает смотреть на мир XVII в. через призму интересов Московского государства. Так, читателям "Каневской битвы", знакомым с предыдущими исследованиями И. Бабулина, особенно придирчивым к украинской историографии, бросаются в глаза "двойные*

стандарты" автора, которые он применяет для рассмотрения двух событий - Конотопской битвы 1659 г., где российская армия была разбита, и боя под Каневом 1662 г., где она победила. Например, И. Бабулина откровенно не интересуют причины казни воеводой Г. Ромодановским пленных у Жовнина казаков (с. 29) или каким образом были "полностью истреблены" (с. 51) защитники лагеря Ю. Хмельницкого под Каневом - вместо этого он провел целое расследование казни Мехмедом Гераем российских пленных после Конотопской битвы [4, с. 105-110]».

Признаться, мне сложно понять, как ставить знак равенства между «двойными стандартами» и взглядом «через призму интересов Московского государства», если речь идет о военном конфликте. Ответ здесь вполне очевиден: пленные зачастую были обузой, и от них стремились избавиться, что было весьма распространенной практикой. Именно поэтому казаки были казнены. Аналогично поступал с пленными знаменитый кошевой Иван Серко, когда, спешно уходя от преследовавших его крымских татар после очередного набега, поголовно истреблял весь татарский полон, дабы он не мешал ему быстро ретироваться в Запорожскую Сечь.

Защитники лагеря Ю. Хмельницкого были убиты в ходе ожесточенного боя. Это понятно из цитируемых в книге документов и не нуждается в дополнительных комментариях. Критику, незнакомому с реалиями военной истории XVII в., возможно и надо каждый раз отдельно объяснять все нюансы того или иного события, но для осведомленного читателя это и так очевидно.

Что касается казни русских пленных под Конотопом, здесь причина была иной, нетипичной для того времени, ведь крымские татары всегда стремились сохранить знатных и богатых пленных, чтобы получить за них выкуп. В данном случае мне потребовалось подробно разобрать все обстоятельства массовой резни, учиненной ханом, и прийти к следующему выводу: основной причиной казни был страх Мехмед-Гирея перед возможной изменой украинских казаков. Опасаясь перехода казачества на сторону Москвы, хан хотел скрепить союз с

гетманом И. Выговским кровью⁶. Именно для этого пришлось провести «целое расследование», пройти мимо этого аспекта в своей работе я не мог.

По словам рецензента, автор *«утверждает, что говорить о победе Ю. Хмельницкого под Бужином некорректно, поскольку "с имеющимися у гетмана собственными силами он не рискнул бы вступить в бой с Приклонским без поддержки сильного союзника" (с. 66). В то же время ... И. Бабулин почему-то не подумал о том, что и Г. Ромодановский подобным образом, конечно, не рискнул бы идти на Переяслав в июле 1662 г., не имея казаков Я. Сомка в качестве союзников!»*

Как явственно следует из хода событий, Ромодановский шел на помощь Я. Сомку, окруженному и осажденному в Переяславе войсками Ю. Хмельницкого, т. е. без помощи русского войска Сомко не мог разбить противника. Что касается боя под Бужиным, то в данном случае многочисленная крымско-татарская орда не нуждалась в тех незначительных силах, которыми тогда располагал Ю. Хмельницкий (2 полка) после поражения под Каневом, чтобы без содействия казаков вытеснить отряд М. Приклонского на Левобережье.

Следующая реплика оппонента: *«Но эти замечания являются мелочью по сравнению с главным постулатом труда - автор считает бой под Каневом "величайшей победой" войск Московского государства во всей польско-русской войне (с. 4). Военный конфликт между Московией и Речью Посполитой, начавшийся после подписания Богданом Хмельницким союза с русским царем в 1654 г., растянулся на 13 лет и был полон боевыми действиями различного масштаба. Почему же внимание автора сосредоточилось именно на событиях 1662 под Каневом?»*

О противостоящих в битве силах А.Г. Папакин пишет, что *«по численности сторон боестолкновение под Каневом можно считать довольно масштабным. Однако не следует забывать, что так выглядели силы сторон накануне боя под Каневом, и далеко не все из перечисленных подразделений приняли участие в самом бою: так, по приведенным в книге И. Бабулина*

данным, часть татар Г. Ромодановский отогнал от Ю. Хмельницкого еще у Переяслава, часть правобережных казаков убежала от гетмана уже в ходе отступления от Переяслава к переправе, а остальные татары оставили Ю. Хмельницкого и отправились домой, когда Г. Ромодановский с Я. Сомком подошли к лагерю на переправе (с. 38, 44). Таким образом, от приведенной выше численности войска Ю. Хмельницкого следует вычесть несколько тысяч человек, бежавших накануне самого боя».

Татар было всего 2 тыс. человек. Сколько бежало казаков, мы не знаем, но не можем утверждать, что армия Ю. Хмельницкого перед битвой значительно уменьшилась (сократившись вдвое-трое-четверо?), это лишь повисающее в воздухе предположение рецензента, не подкрепленное источниками. В любом случае число бежавших перед боем не стоит преувеличивать, оно не могло сильно изменить общее соотношение сил и, тем более, масштаб сражения в целом.

Аналогично можно сказать про следующую цитату: «Кстати, предположение А. Сокирко, что наемники упорно обороняли лагерь для прикрытия отступления гетмана, не нашло почему-то отражения в работе И. Бабулина, хотя он, как видно из текста, знаком с исследованием нашего коллеги».

Это лишь предположение А. Сокирко, не подкрепленное документально. Невозможно представить, чтобы наемники решили пожертвовать своими жизнями ради спасения бросивших их украинских казаков. Немцы бились до конца потому, что у них не было выбора. Окруженные в обозе, они не имели шансов на спасение. Убежать они не успели, а быть перебитыми без боя им не позволила профессиональная честь солдата.

Переходим к вопросу о потерях проигравшей стороны. «По подсчетам И. Бабулина, непосредственно в бою погибло ок. 2 тыс. бойцов - в основном, защитники лагеря. И. Бабулин обращает внимание на ценные трофеи, доставшиеся россиянам - 117 знамен, 22 (24?) пушки, а также литавры (с. 52-53). На чем автор решил не акцентировать внимания - это количество

спасшихся. Простой подсчет (из двадцатитысячного войска 2 тыс. татар оставили поле боя, 2 тыс. погибло в бою, а 6 тыс. - во время переправы) дает цифру в 10 тыс. казаков (правда, от нее следует вычесть тех, кто бежал из-под Переяслава, однако их количество неизвестно). Сам гетман и старшина смогли избежать гибели или плена; в плен же попало, по И. Бабулину, только 84 человека (с. 52). Это ставит под сомнение масштабность боевого столкновения, трактуемого автором как «самая большая победа».

По-видимому, рецензент считает потери войска Ю. Хмельницкого явно недостаточными, поскольку из 20-тысячного войска у гетмана (теоретически, хотя спасшиеся рассеялись) осталось 10 тыс. человек.

Здесь мы видим «узкого» специалиста по истории войн XX в., привыкшего оперировать числами со многими нулями и огромным числом пленных, не знакомого с хорошо известными данными о потерях в битвах XVII в. Поясню, что в семнадцатом столетии 25-тысячная армия – это очень большая армия, а безвозвратный урон даже в 5 тыс. человек – очень большой урон. Читателям, знакомым с историей сражений Тридцатилетней войны 1618-1648 гг., объяснять подобные вещи нет необходимости. Так, например, в битве при Белой горе (1620) потери чехов составили 5 тыс. человек, при Луттере (1626) урон датчан оценивается в 6 тыс. человек. При этом оба сражения считаются крупными битвами, они закончились полным разгромом побежденных.

Рецензент забыл упомянуть про потерю Хмельницким всего обоза. Что это значит для реалий той эпохи? А то, что сумевшие спастись на другом берегу Днепра вышли из реки голыми, босыми и почти безоружными. После такой переправы как боевые единицы они уже ничего из себя не представляли. Вне всякого сомнения, Канев был разгромом основных сил гетмана.

Якобы малое количество пленных под Каневом (84 человек) в данном случае не должно вводить в заблуждение: в моем исследовании сказано, что это только те пленные, которые были подсчитаны (много пленных казаков, попавших в руки сторонников Сомко, были просто отпущены без всякого

подсчета). Кроме того, для войны того времени почти сотня пленных – это далеко не малое число.

Рецензент не учитывает распространенную практику войн той эпохи, бытовавшую на границах христианского и исламского миров и несвойственную «династическим» войнам в Западной Европе – обычное отсутствие значительного числа пленных. В частности, русские никогда не стремились массово брать противника в полон, пленные – всегда обуза. Захватить чужих крестьян и отправить их в свое поместье как крепостных – для воина-помещика явление привычное. Пленный рядовой солдат (казак) ему не так нужен, с ним одни проблемы (он хорошо владеет оружием, его надо строго караулить, он может ударить в спину и т.п.), а экономической выгоды от него почти никакой. В данном случае мотивов для поголовного избиения неприятеля в бою без всякой пощады было более чем достаточно: изменники (украинские казаки), «неверные» (крымские татары), плюс добавился такой важный фактор, как месть за резню русских под Конотопом.

И подобную жестокость не следует считать свойственной только армии Московского государства. Как писал известный американский историк Ф. Лейн, в войнах венецианцев с турками «пленных не брали». После победы при Галлиполи «всех турок-мусульман убили, разрезали на куски...» Попавших в плен рабов освобождали, наемников-добровольцев «убивали даже после того, как те сдавались ... чтобы туркам не доставало моряков, которые вели их корабли, и чтобы «плохим христианам неповадно было наниматься на службу к неверным»⁷.

Малое число пленных, при общих более-менее значительных потерях проигравших, характерно почти для всех сражений войны 1654-1667 гг., что свидетельствует, скорее, об особой ожесточенности сражений, когда от лишних пленных старались избавиться. В то время без всякой пощады убивали не только «неверных», но и «плохих христиан», в нашем случае украинских казаков – как «изменников», фактически нанявшихся на службу к «неверным» и неоднократно нарушавших присягу государю.

Если польский шляхтич или крымский татарин брал в бою пленника, то последний поступал в его полное владение и распоряжение. За пленного можно было получить выкуп или обменять его. В Московском государстве дело обстояло несколько иначе. Все военнопленные, взятые в бою русскими воинами, подлежали передаче воеводе. Они содержались на городском «тюремном дворе» (особо важные – в столице), что, как правило, не позволяло детям боярским извлечь материальную выгоду от выкупа или обмена взятого в полон врага. Лишь за знатных «языков» воин мог получить награду от царя, но такие попадались редко. Чтобы обменять пленника на захваченного татарами или поляками родственника, нужно было получить на это согласие государя. В любом случае, рядовые пленники «спросом» не пользовались. Как показывают документы, пленных или «языков» брали в основном для получения разведанных о противнике, после чего могли и убить.

Развивая тезис о якобы «небольшой победе», рецензент умудряется довести его до абсурда: *«В самом же бою, как видно из описания Самовидца и сообщений других источников, приводимых в книге, не приняли участие основные силы Ю. Хмельницкого - большинство предпочло сбежать, избегая боя. Отсутствие генеральной схватки и большое количество небоевых потерь в армии Ю. Хмельницкого по сравнению с боевыми ставят под сомнение сам термин "битва", применяющийся И. Бабулиным к событиям на переправе. Однако, при отсутствии как в российской, так и в украинской современных историографиях сложившейся военно-исторической терминологии, его использование в работе простительно. Однако, по нашему мнению, более удачным для описанных событий термином может быть "битва за Переяслав" как комплекс боевых столкновений, включающих осаду Ю. Хмельницким Переяслава, уход гетмана к переправе и бой у переправы».*

Что значит «небоевые потери»? К боевым потерям личного состава, как известно, относятся не только потери от воздействия всех видов оружия и сопутствующих поражающих факторов, но и потери от обморожения, ожогов, заболеваний и травм, т. е. всего того, что является следствием боевых действий.

Если бегущие «предпочли» утонуть в Днепре, лишь бы не попасть в руки к неприятелю, есть ли при этом разница при оценке тяжести урона разбитой армии? Разве имеет значение для полководца, как погибли его солдаты – от меча неприятеля или утонули в реке во время бегства? В любом случае это безвозвратные потери, наступившие в РЕЗУЛЬТАТЕ боевых действий.

Понятия «битва», «сражение», «бой», «стычка» имеют давно устоявшиеся определения классиков военной науки. «Битва» отличается от «сражения» и «боя» своим масштабом и значением и нередко играет решающую роль в крупной операции или даже в ходе войны. Название битве, как правило, дается по местности, где она состоялась.

В нашем случае, как совершенно очевидно следует из источников, имело место масштабное столкновение главных сил двух противников под Каневом (а не Переяславом), и неважно, сколько времени длилось сопротивление войск Ю. Хмельницкого (сразу побежали казаки, сколько их побежало, или час-другой еще сражались). Поляки и немцы бились до последнего человека около 4 часов, и после этого, по утверждению рецензента, мы должны сказать, что никакой битвы не было?

К слову, битва при Белой горе (1620) продолжалась всего полтора-два часа, при этом никто не называет ее «комплексом боевых столкновений» из-за того, что чехи быстро проиграли и побежали, а союзные им венгры даже не вступили в сражение.

Далее рецензент снова повторяет не подкрепленный никакими аргументами тезис: *«В любом случае, бой под Каневом точно не был "величайшей победой в Русско-польской войне 1654-1667 гг.". Во-первых, основными противниками в этих событиях выступали не коронное и московское войска, а русская армия (при поддержке левобережных казаков Я. Сомка и В. Золотаренко) и казаки Ю. Хмельницкого. Польские отряды составляли лишь небольшую часть войска украинского гетмана».*

Если основными противниками были с одной стороны русские и левобережные казаки (подданные Москвы), а с другой – правобережные казаки

и поляки (подданные Варшавы), какое значение это обстоятельство может иметь для определения масштаба (размера, значения) победы в русско-польской войне?

А.Г. Папакин пишет: *«Зря И. Бабулин рассматривает гетманских "немцев" в качестве "польского коронного контингента" (с. 20-21): очевидно, что упомянутые в источниках мушкетеры и драгуны являются не помощью польского короля, а наемниками при войске Ю. Хмельницкого [10, с. 257-258]».*

Хотя в документах прямо сказано, что пришли они из «коронного войска» от гетмана С. Потоцкого. Где же тут ошибка?

Продолжаем: *«Во-вторых, хотя Г. Ромодановский с Я. Сомком и стремились встретиться с основными силами Ю. Хмельницкого, чтобы разбить их и привлечь на свою сторону старшину Правобережной Украины, бой у переправы не стал генеральной схваткой, которая привела бы к разгрому сил гетмана. Сам Ю. Хмельницкий, вся правобережная старшина и половина войска смогли переправиться через Днепр, где продолжили борьбу и даже (с помощью татар) разбили под Бужином силы московского воеводы М. Приклонского, которые вслед с Ю. Хмельницким пришли на Правобережье... Таким образом, значение победы Г. Ромодановского над казаками Ю. Хмельницкого на левом берегу Днепра в июле 1662 г. было полностью нивелировано уже через месяц М. Приклонским».*

При чтении документальных и нарративных источников (в том числе украинских) о битве можно сделать определенный вывод, что Канев привел к очень большим потерям в живой силе гетманского войска. Даже пристрастные казацкие летописи, конечно, преувеличивая, называют число в 20 тыс. человек убитыми и утонувшими в Днепре. Однако в оценке сражения, как полного разгрома Ю. Хмельницкого, они единодушны. Запорожцы ставят в вину гетману огромное количество загубленных казаков. Он лишился всякого авторитета среди казачества и в дальнейшем уже никогда не мог собрать таких значительных сил. Три правобережных полка сразу после победы присягнули царю. Только помощь Крымского ханства позволила гетману удержать

Правобережье и предотвратить переход остальных подчинявшихся ему полков на сторону Москвы. Лишь поражение отряда Приклонского от крымских татар сорвало наступление русских войск на Правобережье и дало возможность Ю. Хмельницкому еще полгода формально «владеть» гетманской булавой.

Что касается вопроса скорого нивелирования значения победы, то есть немало примеров, когда великие победы не имели значительных последствий, а результаты их были сведены на нет в самое ближайшее время, но от этого они не переставали быть великими. Достаточно вспомнить битвы при Лепанто (1571) или Сен-Готгарде (1664). При этом, заметим, я нигде не утверждал, что Каневскую битву стоит отнести к самым «великим битвам» мировой истории.

Далее в рецензии следует довольно сомнительное, на мой взгляд, заключение: *«Становится очевидным, что события под Каневом 1662 г. по своим результатам не идут ни в какое сравнение с, скажем, выигранными московским войском битвами (причем, также с помощью казаков) под Городком и под Вильной в 1655 г., не говоря о менее масштабных боях русско-польской войны».*

Это весьма смелое заявление о «масштабных боях» при Городке (1655) и Вильно (1655) подразумевает знание рецензентом соответствующих материалов. Однако при этом он не приводит ни подтверждающих его тезисы источников, ни цифр. Есть лишь желание вызвать сомнение у читателя в отстаиваемом мною «главном постулате».

«Что же заставило И. Бабулина объявить победу под Каневом самой большой из всех? Свою идею "забытой победы" русской армии под Каневом И. Бабулин обнародовал еще в 2012 г. на украинском военно-историческом интернет-форуме [1]. Уже тогда им были сформулированы постулаты о "наиболее значительном успехе московских войск" и якобы намеренном умолчании факта битвы историками СССР, Украины и Российской Федерации (российскими и советскими - "по причине идеологии «дружбы народов»", украинскими - мол, «не хотят привлечь лишнего внимания к тяжелому поражению казацкого войска»). С тех пор автор осуществлял

исследовательскую работу в заданном направлении, результатом которой стал рецензируемый труд, опубликованный в 2015 г., очевидно, когда "идеология дружбы народов" стала в Российской Федерации неактуальной. Итак, одной из причин преувеличения роли Каневского боя можно найти в политической целесообразности - именно в том, что соперником московского воеводы выступали не поляки, а "предатели казаки"».

Стоит пояснить, что еще до упомянутого 2012 г., прежде чем сделать вывод о Каневской битве как самой большой победе русского войска в войне 1654-1667 гг., я постарался исследовать все наиболее крупные сражения⁸ этой войны (в том числе Городок и Вильно) и уже на этом основании в 2012 г. заявил на упомянутом форуме о Каневе, как о самой большой победе.

Ни Городок, ни Вильно, ни любая другая победа русской армии в войне 1654-1667 гг. не идут ни в какое сравнение с Каневской битвой по численности сражающихся противников и потерям проигравшей стороны. Все остальные успехи русских войск гораздо скромнее разгрома Ю. Хмельницкого под Каневом.

Оговоримся сразу, в нашем исследовании не идет речь о таких крупных военных успехах, как взятие русскими Смоленска (1654), защита Могилева (1655), штурм Старого Быхова (1659), которые связаны с овладением или обороной мощных фортификационных сооружений. Разбираем только полевые сражения.

Русско-польская война 1654-1667 гг. – тема моих исследований с начала 1990-х гг. Результаты многолетних разысканий позволяют мне выделить шесть действительно крупных побед русской армии в полевых сражениях этой войны:

- Шепелевичи (1654)⁹ – разгром основных сил ВКЛ в кампанию 1654 г.,
- Вильно (1655)¹⁰ – наступление на столицу ВКЛ и ее взятие,
- Городок (1655)¹¹ – поражение польской армии в Галиции,
- Верховичи (1655)¹² – поражение армии ВКЛ в Литве,
- Верки (1658)¹³ – ликвидация угрозы занятому русскими войсками

Вильно,

- Канев (1662) – разгром основных сил пропольского гетмана Ю. Хмельницкого.

Приведем сравнительную характеристику указанных побед русской армии в таблице по соответствующим критериям: численность армий противников (русская армия/армия противника), безвозвратные потери проигравшей стороны (убитые, утонувшие, умершие от ран), число пленных из состава разбитой армии и иные трофеи (обоз, знамена, пушки).

Нижеприведенные данные взяты как из собственных исследований автора (частью еще неопубликованных), так и из научных трудов авторитетных российских и польских ученых (О.А. Курбатова, К. Бобятыньского, Я. Плосиньского, И.В. Герасимовой и других).

По ряду сражений есть только приблизительные цифры, отдельные данные еще уточняются, поэтому в таблице дано максимально возможное число (убитых, пленных и т.п.). Численность русской армии указывается с учетом бывших в ее составе украинских казацких полков (если они были, например, под Вильно (1655) – около 20 тыс. русских и 15 тыс. казаков).

Стоит также отметить, что упомянутое А.Г. Папакиным сражение под Вильно (на р. Вилии) в 1655 г. сложно отнести к понятию «битва» именно из-за отсутствия столкновения главных сил. Фактически оно представляло собой бои отступающего литовского арьергарда и нападающих на него передовых русских и казацких полков на переправе через реку. В то же время численность русско-казацкой армии под Вильно была едва ли не максимальной за всю войну 1654-1667 гг., поэтому, исходя из фактора численности, нам следует учесть и это сражение.

Число трофейных знамен не всегда указано в отечественных документах, при отсутствии данных помечено: «знамена».

Таблица

Битва	Противник	Численность армий противников (чел.)	Число убитых, утонувших, умерших от ран (чел.)	Число пленных (чел.)	Трофеи победителей
Шепелевичи 14(24).08. 1654	Войско ВКЛ	18 000 / 8000	ок. 3 000	253	Обоз, «знамена многие», 2 пушки
Вильно 29.07(08.08). 1655	Войско ВКЛ	35 000/ 6000	не более 500	110	24 знамени
Городок 20(30).09. 1655	Польское войско	8000/5000	не более 1 000	ок.200, из них оставлено в живых 38	Обоз, знамена
Верховичи 17(27).11. 1655	Войско ВКЛ	4500/7800	ок. 1 000	50	28 знамен, 4 пушки
Верки 11(21).10. 1658	Войско ВКЛ	8500/4500	ок. 500	77, в т.ч. гетман	Обоз, знамена
Канев 16(26).07. 1662	Украинские казаки, поляки	28 000/20 000	ок. 8 000	84	Обоз, 117 знамен, 24 (22) пушки

Таким образом, из приведенной таблицы видно, какое победное для русских сражение является самым масштабным, как по численности сражающихся сторон, так и по потерям проигравшей стороны. Справедливости ради следует отметить, что поскольку мое исследование войны 1654-1667 гг. продолжается до сих пор, в дальнейшем возможны незначительные уточнения вышеуказанных цифр в большую или меньшую сторону, что, однако, вряд ли принципиально изменит полученные данные. Оснований для такой уверенности достаточно, поскольку она основана на результатах длительной исследовательской работы с привлечением всего массива сохранившихся документов.

Еще в 2012 г., к тому времени уже около 20 лет занимаясь этой темой, я мог однозначно утверждать, что Каневская битва (1662) является самой значительной победой Московского государства в войну 1654-1667 гг.

Все остальные победы русской армии менее масштабны (Борисов 1655, Ошмяны 1655, Тинковичи 1655, Ковно 1658, Мядель 1659, Хмельник 1659, Друя 1661, Чаусы 1662, Дроков 1664¹⁴, Белая Церковь 1665 и др.).

Отдельно стоит сказать о крупных сражениях с неопределенным исходом, победу в которых каждая из сторон обычно приписывала себе (Шклов 1654, Ахматов 1655, Озерная 1655, Бася или Губарево 1660).

Почти во всех победных сражениях русские имели численный перевес над противником, что нисколько не умаляет их значение. К примеру, гетман Богдан Хмельницкий все свои знаменитые битвы выиграл при подавляющем численном превосходстве над поляками, и при этом никто не смеет упрекнуть его в отсутствии талантов и способностей военачальника.

Упорно пытаясь обосновать свой тезис о незначительности Каневской битвы, А.Г. Папакин демонстрирует полное отсутствие соответствующих знаний по истории сражений войны 1654-1667 гг.: *«Другая причина лежит на поверхности - Каневская "забытая победа" является ничем иным, как реваншем И. Бабулина за Конотопскую битву, которую он исследовал более тщательно. Хотя в истории польско-русской войны после 1659 г. можно найти несколько победных для московского войска боев (например, Пироговка или под Глуховом в 1664 г.), которые были одержаны над коронным войском».*

Может быть, мои слова будут откровением, но «Пироговка 1664» – это не победа, а поражение казаков гетмана И. Брюховецкого (возьмите хотя бы записки А. Грамона о бое на Десне¹⁵). Никакого генерального сражения под Пироговкой между русскими и польскими войсками не было. Боевые действия свелись к мелким стычкам на переправе между отходящими «заставными полками» отступающей польско-литовской армии и передовыми частями Ромодановского и Брюховецкого. Гетман, в отличие от воеводы, слишком неосторожно форсировал Десну и был разбит атакой конных частей

Чарнецкого, сбросивших казаков в реку, о чем довольно точно и красочно повествует француз А. Грамон, а также польские участники событий (Я. А. Храповицкий, М. Л. Обухович и др.). Оснований не доверять им у нас нет. Русские войска лишь «пощипали» уходящего противника, потери Ромодановского в «бою под Пироговкой» составили всего 2 человека.

Что касается осады Глухова (1664), то в городе вообще не было московского гарнизона, что явилось одной из причин атаки крепости поляками. Отсутствие русских в городе давало королю уверенность, что Глухов долго не продержится и капитулирует. Заблуждение А. Грамона, назвавшего украинских казаков «царскими драгунами» и ошибка Н. Костомарова, писавшего о наличии в Глухове стрельцов, исказили реальные факты. Город обороняли казаки во главе с полковником В. Дворецким. Ни один документ не подтверждает присутствие в городе драгун и московских стрельцов. Этой теме посвящено мое отдельное исследование зимней кампании короля Яна Казимира в 1663-1664 гг., в котором детально разобрана осада Глухова¹⁶.

А.Г. Папакин пишет: *«Как видим, И. Бабулину обязательно следовало "наказать" победителей под Конотопом, поэтому в качестве "самой крупной победы" и была избрана победа над казаками, поэтому пришлось автору защищать "память предков", щеголяя незаурядной, но безрезультатной с военной точки зрения победой под Каневом».*

Что касается моего «избрания победы»: избрания не было. Был случайно обнаруженный исторический факт и целый комплекс архивных документов об этой неизвестной большинству читателей битве, который вызвал углубленный исследовательский интерес. Тому, кто не является специалистом в данной области, возможно, трудно понять, что серьезный историк зачастую не свободен выбирать ту или иную тему исследования не в силу наличия/отсутствия конъюнктуры, желания или «указания сверху», а просто из-за нехватки необходимых для ее освещения источников.

В ходе комплексного изучения сражений войны 1654-1667 гг. Канев – лишь яркий эпизод в череде остальных, по нему нашлось много

документальных и нарративных материалов, достаточных для обстоятельного исследования. Я бы очень хотел также детально разобрать Ахматовскую битву (иначе: битва на Дрожи-поле, 1655 г.) но увы, необходимых для полноценного исследования данного сражения источников до сих пор обнаружить не удалось.

Всему свое время. В ноябре 2017 г. вышла моя книга о Смоленском походе и битве при Шепелевичах¹⁷. В ближайшее время, надеюсь, появится статья о зимнем походе короля Яна Казимира 1663-1664 гг. В дальнейшие мои планы входит завершение исследования битв при Городке и Вильно (1655).

Рецензент пишет, будто *«небольшое значение боя отражает ограниченность исходных данных о нем, что влечет малый объем исследования И. Бабулина (книга имеет всего 88 страниц, для сравнения, его же труд о Конотопе с той же серии имеет 400 страниц) и уже упомянутое перенасыщение текста цитатами»*.

Каневскую битву я исследовал не менее тщательно, чем Конотоп, просто о ней сохранилось меньше документов. К сожалению, все победы русской армии в войну 1654-1667 гг. гораздо хуже отражены в источниках, чем неудачи, по вполне объяснимым причинам: русские воеводы и разрядные дьяки традиционно не считали нужным описывать ход и детали сражения (объясняя все божьей волей), а поляки (или литвины) не считали необходимым подробно расписывать свои тяжелые поражения от «москвитов». В результате о проигранных битвах русских войск в XVII в. сохранилось намного больше материалов различного происхождения, чем о победах. Каждую свою победу польские мемуаристы и историки фиксировали очень подробно и обстоятельно (Полонка, Чуднов, Кушликовы горы), прославляя реальные и мнимые подвиги гетманов и шляхтичей.

В результате в отечественной историографии сложилась парадоксальная ситуация: вплоть до последнего времени историю русско-польской войны в нашей стране изучали преимущественно по польским источникам и исследованиям. О поражениях Москвы знали почти всё, о победах – ничего. Российские ученые гораздо лучше были осведомлены о том, что о войне 1654-

1667 г. написано в Польше, чем о том, какие сведения о ней хранятся в отечественных архивах.

В заключение рецензии А.Г. Папакин делает вывод о «реванше российской историографии» за Конотоп: *«В результате, бесспорно полезное и довольно скрупулезное исследование кампании русской армии 1662 г. на Украине преобразовано самим автором на реванш за проигранный Конотоп 1659 и сведение счетов с давно умершими "предателями"».*

Что тут можно сказать? «Сведение счетов с давно умершими» ярко проявляется как раз в среде воюющих с памятниками советской эпохи и с «неудобными» книгами. В совокупности с другими текущими культурными процессами это явление – самая характерная особенность современной украинской историографии, и данная рецензия лишь один из примеров неуклюжей борьбы с инакомыслием.

Заключительный аккорд рецензента: *«Кажется, к популярному в Российской Федерации жанру оправдания и умаления значения поражений "предков" (например, сражений под Оршей или Конотопом) добавился жанр преувеличения масштабов побед, примером чего является рецензированный труд. Причины желания искать в седой древности славных "предков" и побед понятны. Однако нашему читателю, чтобы предотвратить соблазн следования российской "моде", следует напомнить слова шведского исследователя Энглунда: "Поражения нередко представляют едва ли не больший интерес, чем победы. ... Победы часто склоняют к самоуспокоенности и консерватизму, тогда как неудачи подталкивают к изменению взглядов и развития ... Можно сказать, что один из путей, которые привели к богатству и процветанию Швеции сегодня, начался именно там, на равнине под Полтавой»*[12, с. 9].

К чему эта длинная цитата из Энглунда? Россия – не Швеция, которой с 1814 г. не было нужды воевать и защищать себя, чем обеспечено ее нынешнее «богатство и процветание». Не российские историки вознесли Оршанскую и Конотопскую битвы до масштабов Грюнвальда, Ватерлоо и Седана. «Соблазн»

преувеличения масштабов «своих» побед обычно свойственен историкам «молодых» государств. Они сознательно отказываются от части своей истории в угоду сиюминутным политическим и националистическим интересам, возвеличивая мелкие и незначительные бои, вроде боя под Бужином (1662) или боя за гору Маковка (1915), до размера Сталинградской битвы, только потому, что их противником была Россия.

Да и можно ли меня упрекать в интересе к победным сражениям русской армии, если главным моим исследованием многие годы была проигранная Конотопская битва?

Возвращаюсь к поставленному в начале статьи вопросу, есть ли у рецензента основания обвинять меня в «предвзятости», а именно в изначальной склонности к определенному выводу и «подгонке» под него полученных результатов?

Все вышеизложенное мной в настоящей статье говорит само за себя. В предвзятости можно упрекнуть лишь самого рецензента – А.Г. Папакина, который в силу желания покритиковать «неправильную» книгу, слишком увлекся своей целью, оторвался от фактов и дал волю воображению, не разобравшись в рассматриваемой проблеме.

Если главным побудительным мотивом создания такой рецензии является уязвленное национальное самолюбие, так стоило ли ее вообще писать?

Главный мотив моих исследований – это понятное каждому любознательному читателю желание: я лишний раз хотел показать, насколько плохо мы знаем военную историю России XVII в.

Победы в войне 1654-1667 гг. гораздо больше, чем поражения нуждаются в исследованиях, хотя бы в целях элементарного устранения «белых пятен» отечественной истории. За более чем 350 лет, прошедших с окончания этих событий, военная история допетровской России оказалась настолько плохо исследована, что даже профессиональные историки, исследующие Раннее Новое время, не могут назвать десяток самых важных победных сражений русской армии второй половины XVII в. Ни в одной отечественной книге по

истории до сих пор вы не найдете достоверных карт общего хода военных действий русско-польской войны 1654-1667 гг.

Хороший пример неудовлетворительного состояния наших знаний о военной истории эпохи царя Алексея Михайловича – это абсолютная неосведомленность историографии о полном разгроме 10-тысячного крымско-татарского войска под Севском в 1668 г., получившем название «Татарское побоище». Современники сравнивали эту победу с Куликовской битвой, при царском дворе устроили грандиозное празднование, а что мы знаем об этом сражении?

И дело здесь не в преувеличении масштабов былых побед, а хотя бы в простом извлечении из архивных документов сведений о забытых, но, тем не менее, очень важных событиях той эпохи. Значение этих сражений, их роль и влияние на протекавшие общественные процессы и явления, на ход той или иной войны, до сих пор не изучены. Кто знает, может быть, новые архивные документы, введенные исследователями в научный оборот, откроют нам такие знания об объекте исследования, о которых мы даже не подозреваем? Было бы наивно думать, что вся наша история уже исследована учеными прошлого, и не осталось никаких «тайн», которые в дальнейшем позволят пересмотреть устоявшиеся («канонические») представления о, казалось бы, хорошо известных вещах. Учитывая, как скупо и отрывочно отражены в отечественных источниках военные действия XVII в., процесс их исследования обещает ученому немало новых открытий на пути изучения истории тяжелого, сложного и героического боевого пути вооруженных сил Русского государства в допетровское время.

---

¹ Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа. — М., 2015.

² Папакін А. Реванш російської історіографії: Канів, 1662 р. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Історія».

— 2017. — № 1 (132). — С. 83-86. <<http://www.ucrainarma.org/oglyad-tematichnoi-literaturi/revansh-rosijskoji-istoriografiji-kaniv-1662.html>>.

³ Например, Папакін А.Г. Формування Польських військ в Україні у 1917-1918 рр. — Автореф. дис. канд. іст. наук. — 2007.

⁴ Таирова-Яковлева Т.Г. Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва // Петербургские славянские и балканские исследования / Т.Г. Таирова-Яковлева. — 2012. — № 2 (12). — С. 258-263.

⁵ Бабулин И.Б. Ответ рецензенту (Таирова-Яковлева Т.Г. Рецензия на книгу: Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 483-498. <http://www.milhist.info/2014/03/13/babylin_3> (13.03.2014).

⁶ Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом 1658-1659 гг. — М., 2015.

⁷ Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики. — М., 2017. — С. 469.

⁸ Одной из первых моих публикаций по сражениям войны 1654-1667 гг. была статья: Бабулин И.Б. Битва под Полонкой 1660 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. — 2005. — № 15 (3/2005). — С. 70-84.

⁹ Подробнее: Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 г. — М., 2018.

¹⁰ Bobiatyński K. Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654-1655. — Zabrze, 2004. — S. 214-218.

Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII в. — СПб., 2015. — С. 31-63.

¹¹ Горб Є., Рябуха Ю., Цибрій А. Битва під Городком 29-30 вересня 1655 року: нова спроба реконструкції перебігу бою // Україна між Польщею та Росією. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, приуроченої до 330-ї річниці Вічного миру (1686) і 350-ї річниці Андрусівського перемир'я (1667). —

23.12.2016 р. Київ, — С. 49-62. Прим. На наш взгляд авторы завышают численность русско-казацкой армии примерно на 1000 чел.

¹² Курбатов О.А. «Чудо Архангела Михаила». Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Веховичах 1655 г. // Исторический архив. — 2005. — № 3. — С. 196-216.

Płosiński J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655-1657. — Zabrze, 2006. — S. 43-70.

¹³ Акты Московского государства. — СПб., 1894. — Т. 2. — С. 612-616.

¹⁴ О бое при Дрокове, например: Babulin I. Kosulicze i Drokow. Dwie bitwy podczas kampanii zimowej Jana Kazimierza w 1663-1664 roku // De Re Militari. Czasopismo miłośników wojskowości. — № 1/2017. — S. 52-70.

¹⁵ Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира (1663-1664). <<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gramon/frametext.htm>>.

¹⁶ Бабулин И.Б. Русские войска в боях против армии короля Яна Казимира: зимняя кампания 1663-1664 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2017. — Вып. 4. (в печати).

¹⁷ Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. — М., 2018.